

УДК 94(47).08

**СОДЕРЖАТЕЛЬНИЦЫ КАЗАНСКИХ БОРДЕЛЕЙ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – начала XX вв.: ПОРТРЕТ ЯВЛЕНИЯ¹**

С.Ю. Мальшева

Аннотация

В статье на основании неопубликованных архивных документов рассматривается возрастной, социальный, национальный состав содержательниц казанских официальных публичных домов во второй половине XIX – начале XX вв., а также отношение к этой разновидности «предпринимательства» как самих содержательниц, так и других представителей городской среды.

Ключевые слова: проституция, публичные дома, бандерши, содержательницы.

В массовых представлениях горожан второй половины XIX – начала XX вв. существовал определенный стереотип содержательницы публичного дома, «бандерши», «мадам», в расцветивание которого внесли посильную лепту литература и публицистика. Как иронически описывал экзальтированное возмущение аболиционистов (сторонников отмены регламентации проституции) А.И. Куприн: «Хозяйки, эти жадные гетеры! Эти гнусные выродки человечества, сосущие кровь проституток! (...) кровопийца, гиена, мегера (...)» [1, с. 204, 206].

¹ Исследование написано в рамках краткосрочного гранта в области гуманитарных наук в Беларуси, России и Украине Американского совета научных сообществ (ACLS – American Council of Learned Societies) 2010-2011 гг. и при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14.А18.21.0955 по теме "Мультикультурность российского региона как (де)стабилизирующий фактор исторического развития (Среднее Поволжье XIX – начала XXI вв.)". Статья является частью готовящейся к изданию монографии «Публичные дома и проститутки в досуговой и повседневной жизни Казани второй половины XIX – начала XX вв.».

В поэтическом описании Г.Тукая содержательницы татарских борделей – «колдуньи в заозерье лесном», «Демберихи» – злобные старухи, нещадно эксплуатировавшие и обиравшие бедных сироток-проституток. В советское время этот образ счастливо наложился на шаблон «капиталистки-эксплуататорши», классового врага.

Безусловно, фигура содержательницы публичного дома являла собой не самый симпатичный городской типаж уже в силу ее занятия. Однако немногочисленные архивные документы дают нам возможность составить реальное представление о казанских бандершах, а также развеять некоторые мифы о представительницах этого «сектора» «индустрии развлечений».

Строго говоря, в роли «посредников» на рынке сексуальных услуг выступали не только содержательницы публичных домов.

Была категория сутенеров – их называли «коты», – «курировавших» многих проституток-одиночек, особенно неподнадзорных. Они иногда становились персонажами газетной криминальной хроники, но не в связи со своей специфической «профессией», а, как правило, в связи с другими преступлениями – кражами и пр. Бывало, что «коты» и сами становились жертвами доведенных до отчаянья проституток. Такой случай убийства проституткой своего «кота» был описан, например, в судебной хронике казанской газеты в январе 1909 г. 28 января 1907 г. проститутка Мочалова, после совместной пьянки в трактире и ссоры, зарезала в гостинице своего «кота» – крестьянина Белова. С помощью подкупленного коридорного она избавилась от следов преступления и выбросила смертельно раненого «кота» на панель Расстанной улицы. Суд назначил ей за это убийство всего 6 месяцев тюрьмы (см.: [2]).

Были содержатели и служащие трактиров, бань и прочих «непрофильных» заведений, которые «организовывали досуг» клиентов, доставляя им «девушек» (доходы, как правило, делились между проституткой и «организатором»).

Наконец, существовало большое количество разновидностей своден. Их промысел нередко был особенно криминален и осуждаем (и законом, и общественным мнением), поскольку они стремились удовлетворить прихоти богатых клиентов, целью которых были вовсе не проститутки, а именно «порядочные» женщины. Причем, часто обманом с помощью сводней совращались совсем юные девочки. Так, в июне 1882 г. на Рыбнорядской улице сводня Настасья Андреева, как говорилось в архивном документе, «совратила с мещанином Соловьевым солдатскую дочь Дарью Дмитриеву 14 лет» [НАРТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 316. Л. 190об.]. Это дело было передано в суд. Архивный фонд Казанского окружного суда полон дел по обвинению в сводничестве². Но далеко не всегда сводников настигало возмездие закона. Из жертв сводников нередко рекрутировались новые «кадры» проституток.

Сводни играли важнейшую роль и в деле рекрутирования проституток из татарских девушек и женщин. Два типичных пути женщины в проститутки ярко описаны в реалистических произведениях татарской литературы.

² Например, дело о вдове титулярного советника Н.К.Анисимовой, обвиняемой в сводничестве; о крестьянине А.Пантелееве, обвиняемом в сводничестве своей дочери и пр. См.: [НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 456, 758 и др.].

В пьесе классика татарской драматургии Галиаскара Камала «Уйнаш» («Блуд») «маклер» Фатхерахман занимается сводничеством, вовлекая в свои сети прогуливающих в саду молодых женщин, чьи мужья уехали на Макарьевскую ярмарку, а затем шантажируя этих женщин. Его «конкурентка» – сводница Маглифа уговаривает молодую татарку Сарбижамал добиться у мужа развода, поскольку в нее, якобы, влюблен молодой богатый Анвар. Последнему она внушает, что молодая женщина влюбилась в него и готова на все. Узнав о флирте жены, оскорбленный муж Сарбижамал объявляет ей развод, и она переезжает на съемную квартиру. Только когда к ней начинают заявляться незнакомцы с весьма недвусмысленными предложениями, когда она понимает, что Анвар не собирался на ней жениться (он уже имел четырех жен – предельное количество по шариату, да еще нескольких любовниц содержал на квартирах), а зная об этом сводня уже «сватает» ей других богачей, – несчастная женщина понимает, какая судьба ей уготована [3, б. 95-126]. Кстати, уход от мужа к любовнику, как начало пути проститутки, фигурирует и в других произведениях татарской литературы, например, в повести Кабира Бакира «Жанлы курчаклар» («Живые куклы») (см.: [4]).

Другой путь татарской девушки в проститутки описан в повести Тимерши Соловьева «Биби-Казан». Героиня, 14-летняя девушка, отданная матерью после смерти отца в прислуги городскому мулле, была им соvrращена, забеременела, жена муллы выгнала ее из дома. Мать ее умерла от горя, ребенок тоже умер. Не найдя в городе работы, девушка попадает в руки некоей сводни Хусни, которая начала ее «водить в сад», где знакомила с богатыми татарскими мужчинами. Так началась ее карьера проститутки. Хусни возила ее с другими «девушками» и на Макарьевскую ярмарку. А затем сводни отправляют 16-летнюю Биби-Казан в Уфу, якобы наниматься в прислуги, на самом деле – продают за 30 рублей в публичный дом. Однако по дороге девушка приглянулась кондуктору, который после того, как Биби-Казан отвергла его приставания, столкнул ее под колеса поезда. Лишившись ноги, она истекала кровью 10 часов и скончалась вскоре после помещения ее в больницу (см.: [5]). Интересно, что историю последнего путешествия и смерти Биби-Казан автор в мельчайших деталях (кроме имени героини – Аграфена И-ва и упоминаемых названий городов) позаимствовал из газетной заметки в «Русских ведомостях» 1886 г. (№ 264; цит. по: [6, с. 475-476], причем, даже сослался на этот номер газеты с якобы опубликованной историей Биби-Казан.

Промысел всех указанных категорий «посредников» был – в разной степени – криминален.

В отличие от сводней и всех других вышеназванных «посредников», содержательницы публичных домов действовали вполне легально и на законных основаниях. Пользуясь своим легальным статусом и в видах его упрочения, содержательницы публичных домов старались всячески «крепить дружбу» с полицией, во всяком случае, сохранять с ее представителями хорошие отношения. По всей видимости, полиция, понимая взаимовыгодность таких контактов, также шла им навстречу по многим вопросам, нередко даже поддерживала в конфликтной ситуации, как это было, например, в Казани в ходе конфликта ме-

жду жителями улицы Пески (средоточия большинства официально разрешенных публичных домов) и содержательницами публичных домов на этой улице.

В 1885 г. около 30 домовладельцев с улицы Пески, или, как чаще говорили, «с Песков» обратились в городскую управу, жалуясь на то, что «из публичных больших домов, находящихся по лицу улицы, постоянно днем и во всю ночь видны всякие безобразия, в особенности летом, то есть, на открытых окнах сидят или высовываются в полунагом состоянии, ругаются с проходящими всякими сквернейшими словами и вообще кроме безобразия ничего нельзя видеть, почему нам с семействами и никак невозможно жить. По ночам часто бывают скандалы, крик, шум, кричат «караул» и т.п.» [НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6915. Л. 2об.]. В ответ на это казанская городская управа посочувствовала жителям, но закрыть публичные дома не сочла возможным. А полиция легко аргументировала законность нахождения питейных заведений и домов терпимости в 13 и 39 саженях от приходской Георгиевской школы казанского купца А.А. Аметевского тем, что ограничения касаются учебных заведений, помещенных в постоянных помещениях – казенных или собственных этих заведений. А школа Аметевского находилась в его частном доме. В непосредственной близости к ней – ближе, чем 40 сажень! – находилось аж 9 публичных домов: Раковской, Исаевой, Масарской 2-й (Масарская владела двумя домами терпимости), Засухиной, Ладоновой, Бессмертных, Петровой, Бровкиной, Меселевич.

Трагикомизм ситуации усугублялся рапортом пристава 4-й части Казани Евдокимова в Казанское городское полицейское управление от 31 марта 1886 г., в котором, в частности, сообщалось, что «находя открытие Аметевским школы на Песках при существовании публичных и других заведений, неуместным, содержательницы тех заведений лично мне заявили, что в видах нравственности для учащейся молодежи, они готовы нанять на свой счет помещение под школу в другом месте, лишь бы не было ее на Песках» [НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6915. Л. 9-10]! Полицейский пристав встал на сторону владелиц публичных домов, подчеркнув законность обретения там борделей, поскольку «улица Пески, исключительно, назначена для публичных заведений» [НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6915. Л. 10].

Требования, предъявляемые к кандидаткам на «должность» содержательницы публичного дома, их права и обязанности были четко прописаны в Правилах МВД. Прежде всего, дома терпимости позволялось содержать только женщинам. Мужчины на это поприще не допускались (хотя в реальности бывало, что документы только оформлялись на женщину, а всеми делами заправлял ее муж или сожитель, остроумно названный Лаурой Адлер «принцем-консортом» [7]). Причем, был четко определен «возрастной ценз» для женщин, желающих открыть публичный дом. Так, «Правилами содержательницам борделей», утвержденными Министерством внутренних дел 29 мая 1844 г., содержательницами могли быть женщины «средних лет» – от 30 до 60 лет (см.: [8]). «Правилами для содержательниц домов терпимости», утвержденными 28 июля 1861 г., возраст содержательниц был еще более ограничен: такие заведения позволялось открывать женщинам не моложе 35 лет и не старше 55 лет. Положение содержательницы публичного дома накладывало на нее ряд ограничений. Содержательница должна была проживать в тех же квартирах, что и ее подо-

печные. Муж содержательницы, если таковой имелся, должен был жить в помещении, отделенном от комнат подопечных супруги. Дети содержательницы в возрасте старше 4 лет должны были проживать отдельно от матери. Точно также не могли жить с ней ее родственницы, жилицы, если они не являлись публичными женщинами [НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6265. Л. 35-36].

Архивные документы редко дают сведения об этих «посредницах» между «потребителем» и «товаром» на рынке сомнительных досуговых «услуг». Чаще они предоставляют косвенные данные об имевшихся домах терпимости. Так, по спискам зарегистрированных проституток 1858 и 1859 гг. можно обнаружить, что в то время в Казани имелось, по крайней мере, 11 официально разрешенных публичных домов, преимущественно во 2-й части – дома терпимости Пружанской (от 9 до 19 проституток), Руфьевой (16-17 «девушек»), Гайни Раимовой (10 проституток), Наумовой (3-8 проституток), Духновской (6 проституток), Гутман (5 проституток), Никитиной (4 проститутки), Анны Ганц (1-3 «девушки»), Фоминой (3 проститутки), Бадиги Зямал (3 проститутки) и Фатимы (1 проститутка) [НАРТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 170. Лл. 12-12об., 20-20об., 24-25, 28-33 об.; Д. 176. Л. 2-13об., 32, 39-39об., 43, 47-47об.].

По отдельным более поздним документам мы можем составить приблизительный социальный и возрастной портрет казанских бандерш (заметим – только наиболее законопослушных из них, зарегистрировавших свои заведения). В списке 22 казанских домов терпимости, составленном 22 августа 1882 г. (см.: [НАРТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 316. Л. 110-157. См. этот документ в Приложении]), означены и 20 владелиц этих заведений (две женщины – жена отставного каноника Малка Масарская и казанская мещанка Ольга Августовна Ладанова (Ладанова) содержали по два публичных дома в 4-й части, на Песках, Масарская – в домах Дружинина и Кле, а Ладанова – в домах Дружинина и Левина). Большинство этих домов было расположено в 4-й части, на Песках (18 борделей), остальные – во 2-й части (4 дома). Наименьшее количество проституток в борделях составило 2 и 3 «девушки» – соответственно, в борделях на Песках П.В. Семеновской и А.А. Марамсиной. Кстати, оба борделя находились в одном и том же доме – доме Архипова, в нем же содержала публичный дом с 6-ю проститутками еще одна бандерша – А.С. Романова. И в нем же снимала помещение под публичный дом владелица самого «многолюдного» по числу проституток борделя С.Г. Клементева – в ее заведении имелось 18 проституток. Надо сказать, что публичный дом чаще всего снимал только часть дома – квартиру или несколько квартир. Поэтому в списках часто повторяются фамилии владельцев домов, сдававших площади нескольким борделям одновременно: дом Архипова упоминается, таким образом, 4 раза, по два раза упоминаются дома Рубцова, Волковой, Дружинина, Клее. Случаев, когда хозяйка борделя учреждала его в собственном доме, не выявлено. Хотя дважды фамилии хозяйки борделя и хозяйки/хозяина дома совпадали: Ирина Петрова снимала помещение в доме Петрова на Песках, а Матрена Волкова – в доме Волковой. Но, скорее всего, владельцы домов были лишь однофамильцами бандерш, в противном случае обычно в документах указывалось «в собственном доме».

Анализ возрастного состава хозяек борделей показывает, что требование указанных «Правил» 1861 г. не выполнялось: из 20 хозяек домов терпимости

10, то есть половина, не достигли положенных 35 лет. Их возраст тем более не соответствовал и требованиям более ранних «Правил» 1844 г.: 5 владелиц, то есть четверть «командного состава» казанских борделей была даже моложе 30 лет.

Упомянутой Ладановой не доставало до необходимых 35-ти лет одного года. Крестьянке Московской губернии Екатерине Федоровне Лахиной (бордель во 2-й части на Средне-Ямской улице, в доме Маколовского) и жене запасного денщика Рохе Абрамовне Грейсберг (бордель в 4-й части на Песках, в доме Рубцова) исполнилось по 32 года. Крестьянская девица Ирина Петрова, содержавшая публичный дом там же, на Песках, в доме Петрова, была годом моложе. Еще младше на год оказалась крестьянская жена Аграфена Андреевна Бесмертных, хозяйка борделя на тех же Песках, в доме Васильева. Следом – по убыванию возраста, – шли две 28-летние бандерши: казанские мещанки Софья Григорьевна Клементева и Александра Семеновна Романова, державшие по публичному заведению на Песках в одном и том же доме Архипова. Владелице еще одного борделя в том же доме – жене крестьянина Пелагее Васильевне Семеновой исполнилось 26 лет, а жене запасного рядового Прасковье Семеновне Буданкиной (публичный дом на Песках в доме Волковой) – 25 лет. Самой младшей в этом списке бандерше – казанской мещанке Марье Викторовне Абрамовой, державшей свое заведение с шестью проститутками в 4 части на Песках в доме Кле, – исполнилось только 23 года! Причем, средний возраст «девиц» в ее заведении чуть превышал 24 года, только две из шести ее подопечных были моложе ее, все остальные были старше. Судя по этому документу, возраст хозяек казанских публичных заведений в 1882 г. простирался от 23 до 49 лет. Вполне «вписывались» в возрастной ценз, предписанный хозяикам публичных домов, 38-летняя жена запасного фельдшера Хана Лейбовна Познанская – хозяйка публичного дома на Песках в доме Егоровой, а также три 40-летние «предпринимательницы»: самарская мещанка Александра Петрова (бордель во 2-й части на Односторонке Задне-Ямской улицы в доме Стражникова), жена отставного рядового Евгения Петровна Грузкова (бордель в 4-й части на Песках в доме Кравца), крестьянская девица Матрена Ивановна Волкова (бордель на Песках в доме Волковой). Трех «профессиональным организаторшам досуга» исполнилось по 45 лет – упомянутой выше Малке Масарской (владелице двух борделей на Песках), жене отставного унтер-офицера Екатерине Петровне Гольдбаум (публичный дом на Песках в доме Рубцова) и крестьянской жене Елене Ерофеевне Колесниковой (бордель на Песках в доме Каменского). Годом старше была казанская мещанка Александра Алексеевна Марамсина, владевшая публичным домом на Песках в доме Архипова. Наконец, самой старшей бандершей оказалась казанская мещанка Махуб-Зямал Муталаповна Сыромятникова, державшая публичный дом во 2-й части на Задне-Ямской улице в доме Дерябиной: ей исполнилось 49 лет [НАРТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 316. Л. 110-157]³. То есть, казанские бандерши не нарушали верхнюю границу возраста для содер-

³. В этом списке не указан возраст только одной хозяйки публичного дома – Биби-Асмы Вахрутдиновны Аблаковой, крестьянки Казанского уезда, державшей публичный дом во 2-й части на Задне-Ямской улице в доме Столбова.

жательниц борделей, установленную правилами. Все нарушения касались нижней границы.

Таким образом, положение «Правил» о возрасте владелиц борделей строго не соблюдалось. Тем не менее, возраст, а также другие формальные критерии, указанные в Правилах МВД 1844 и 1861 гг. могли быть поводом для отклонения ходатайства той или иной женщины, желавшей открыть публичный дом. Так, в феврале 1901 г. Врачебным отделением Казанского губернского правления Мамадышскому уездному исправнику было препровождено ходатайство крестьянки Мамадышского уезда Елышевской волости деревни Карашурмы Шамсинисы Юсуповой, которая просила разрешения открыть в г. Мамадыше дом терпимости. Исправник в этой просьбе отказал, указав, что кандидатура Юсуповой не соответствует двум параграфам Правил 1861 г.: во-первых, ей нет еще 35 лет, а во-вторых, она трижды привлекалась к ответственности по 44 статье установления о наказаниях (недозволенный набор девиц в дом терпимости) и трижды отбывала наказание [НАРТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1233. Л. 1, 3-3об.].

Что касается социальной принадлежности этих дам, то среди них было поровну мещанок (7 человек) и крестьянок (статус некоторых конкретизирован: «крестьянская девица» или «крестьянская жена») (7 человек), еще шесть женщин были женами отставных военных – двух рядовых, канонира, унтер-офицера, денщика, фельдшера. Национальную принадлежность хозяек публичных домов можно определить лишь приблизительно, на основании их фамилий. Большинство – 14 женщин, – русские, 2 татарки (владелицы татарских публичных домов во 2-й части Махуб-Зямал Муталаповна Сыромятникова и Биби-Асма Вахрутдиновна Аблакова), 3 еврейки (Малка Масарская, Роха Абрамовна Грейсберг, Хана Лейбовна Познанская), и одна женщина – жена отставного унтер-офицера Екатерина Петровна Гольдбаум, по всей видимости, русская, замужем за немцем либо евреем.

На основании этих сведений вырисовывается условный усредненный образ содержательницы публичного дома в Казани в 1882 г.: это 36-летняя русская женщина, бывшая (или побывавшая) замужем, мещанка, крестьянка или жена отставного военного. Как правило, помещение публичного дома ею снималось, а персонал заведения насчитывал в среднем 8 проституток.

Данные, собранные о бандершах Казанской губернии в ходе статистического обследования 1889 г., дополняют представления о «командном составе» борделей. В 1889 г. в Казанской губернии числилось 23 борделя, 17 из них – в Казани (остальные 6 – в Чистополе и Чебоксарах). Большинство хозяек домов терпимости в губернии составляли солдатки – 13 из 23, а мещанок и крестьянок было, соответственно, всего 5 и 2 женщины. Две трети владелиц борделей состояли в браке. По национальной принадлежности 13 из владелиц были русскими, 2 татарки, 7 евреек и одна полячка. Среди бандерш в возрасте младше установленных правилами 35 лет – десять женщин, из них – не менее пяти «новичков», заступивших за последние семь лет на эту «трудовую вахту». Но более 56 % владелиц домов терпимости Казанской губернии составляли женщины в возрасте от 30 до 40 лет (см.: [9]).

Карьера бандерши чаще всего начиналась «с низов»: многие из них прошли в свое время путь проститутки, сумели обзавестись деньгами и открыть свое

«заведение». Надо сказать, что не только в низших городских слоях, но и в средних, с весьма толерантными представлениями о пределах морально допустимого, отношение к содержанию публичного дома, как к сфере профессиональных занятий и дохода, в корне отличалось от того экзальтированного возмущения, над которым иронизировал Куприн. Быстрая коммерциализация во второй половине XIX – начале XX вв. повседневной жизни горожанина, сферы услуг и развлечений – вкупе с легализацией проституции правительством в 1843 г. превратили предосудительное занятие организации «сексуальных услуг», говоря современным языком, в бизнес. Причем, вполне легальный, доходный (и – что очень важно – не облагаемый налогами!) и даже «почтенный бизнес».

Оставив пока тему отношения к этому бизнесу, обратим внимание на факт его легальности. Ведь законопослушные содержательницы, фактически, бок о бок с полицейскими, врачами, проституционными комитетами, руководствуясь особыми правилами, выполняли задачи регламентации проституции! Разумеется, их функции никак нельзя сравнивать с функциями государственных служащих – полицейских и врачей. Но объективно поднадзорные публичные дома и их владелицы были центральными звеньями этой политики регламентации. Поэтому, вполне справедливо указание на то, что власти практически считали содержательниц домов терпимости «низшими агентами врачебно-медицинского надзора» [6, с. 106].

Подчас бандерши преисполнялись нешуточным пафосом «охранительниц общества» от тех язв и пороков, которые оно могло излить в их заведениях, локализовать в этих своеобразных «резервациях» и, таким образом, оберечь общественный, семейный и прочий покой и мораль. Правда, чаще всего этот пафос прорезывался в направленном вовне дискурсе, если речь заходила о каком-либо ущемлении материальных интересов дела их заведений. Так, вспомним несколько раз упомянутый конфликт жителей Песков с владельцами публичных домов. Как возмущались бандерши открытием приходской школы вблизи их заведений, какую трогательную заботу они проявляли в заявлении приставу 4-й городской части о «нравственности для учащейся молодежи», даже выражали готовность самим оплатить аренду помещения для школы в другом месте, лишь бы подальше от их заведений! Интересно, что плотно и тесно работавший с ними пристав, излагавший их заявление в своем рапорте в Казанское городское полицейское управление, похоже, даже не замечал всего комизма ситуации, когда содержательницы борделей выступали в роли поборниц общественной морали, охранения нравственности молодежи и соблюдения буквы закона.

Впрочем, формально содержательниц, зарегистрировавших свои заведения и соблюдавших предписания, было трудно упрекнуть в неуважении к закону. Более того, некоторые из них проявляли просто-таки безграничное доверие к букве закона, являя образцы «правового сознания». Довольно курьезный случай, произошедший в Казани осенью 1902 г., описывают скупые строки архивного дела [НАРТ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 70], хранящегося в фонде одного из мировых судей.

В сентябре 1902 г. в Казань прибыла оренбургская мещанка Биби-Фаиза Мухитова, являвшаяся содержательницей одного из домов терпимости в Орен-

бурге. Целью ее «командировки» был подбор персонала – набор девиц-татарок в дом терпимости. Искомое нашлось довольно быстро – сентябрьским вечером в парке Черное озеро в центре города (где, как уже говорилось, вечерами в изобилии прогуливались проститутки-одиночки) она познакомилась с Биби Камал Назировной Кирбамбаевой, крестьянкой Казанской губернии, Тетюшского уезда, Сюкеевской волости, дер. Балтачевой, которая уже являлась зарегистрированной проституткой, а также с ее подругой – крестьянской девицей Казанского уезда Чепчуговской волости, деревни Ямашурмы Магитап Тохватуллиной. Девушки согласились поступить в ее дом терпимости и на другой день прибыли с багажом на пристань на Устье, собираясь ехать с Мухитовой в Оренбург. Поскольку до отхода парохода было довольно времени, «новобранки» попросили задаток, получили от Мухитовой по 20 рублей и отправились погулять и выпить пива, оставив корзину с багажом, а также свои документы – проходное свидетельство Кирбамбаевой и паспорт Тохватуллиной. Больше Мухитова их не видела. Поняв, что ее обманули, и возмущившись нарушению честной сделки, Мухитова – неграмотная иногородняя содержательница борделя – преисполнилась решимости отстаивать свои права и имущество с помощью закона. Она отправилась в ближайший полицейский околоток с жалобой на обманщиц. Причем, ничтоже сумняшеся, она подробно изложила обстоятельства дела, не скрывая цели своего визита в Казань.

Полиция отнеслась к заявлению со всем вниманием, провела расследование, дотошно изучила содержимое корзины и опросила свидетелей. И между делом заметила, что действия Мухитовой подпадают под проступок, предусмотренный 44-й статьей Установления о наказаниях – занятие незаконным набором девиц в дом терпимости, и передала дело в мировой суд [НАРТ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 70. Л. 4-4об, 6-6об., 11-14]. Жернова закона вращались неспешно. Наконец, в марте 1903 г. Казанский съезд мировых судей принял следующее решение: невыполнение Кирбамбаевой и Тохватуллиной обязательств по словесному договору и невозвращение ими задатка не является уголовно наказуемым деянием, и у Мухитовой есть только право на предъявление к ним гражданского иска. А вот деяния самой Мухитовой – незаконный набор девиц в дом терпимости – подпадает по уголовную ответственность по 44 статье [НАРТ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 70. Л. 17-17об.]. Ввиду чего наивно «сдавшая» самое себя полицейским властям Мухитова была приговорена к трехнедельному аресту, который полностью отбыла в августе 1903 г. в Оренбурге [НАРТ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 70. Л. 25-25об.].

В деле Биби Фаизы Мухитовой весьма примечателен еще один факт. Явившись в околоток, Мухитова не смогла предъявить околоточному надзирателю свой паспорт, поскольку, как она объяснила, ее документ находился на пристани у **ее матери** [НАРТ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 70. Л. 6об.] (выделено мной. – С.М.)!

Здесь мы возвращаемся к вопросу об отношении к такому предосудительному, с моральной точки зрения, «бизнесу», как содержание публичного дома. Как уже упоминалось, в низших и средних городских слоях отношение к этой форме «предпринимательства» нередко в корне отличалось от предписываемого моральными и религиозными нормами. А официальная легализация этого заня-

тия вкупе с коммерциализацией досуговой сферы привела к тому, что содержание борделей стало восприниматься в этой среде как вполне обычный легальный бизнес. Нередко на этой ниве трудилась вся семья бандерши: она сама осуществляла руководство, а родственники помогали в ведении бухгалтерии и других делах. На фоне такого отношения тот факт, что, отправляясь вербовать проституток для своего заведения, содержательница дома терпимости – в качестве помощницы или просто за компанию для приятной прогулки на пароходе, – захватила с собой мать, – не вызывает уже изумления.

Отношение к «бизнесу» бандерши в средних городских слоях весьма точно охарактеризовал А.Куприн в своей «Яме», живописуя тихую почтенную жизнь отошедшей от дел бывшей содержательницы публичного дома: «Теперь можно спокойно, не торопясь, со вкусом, сладко обедать и ужинать, к чему Анна Марковна всегда питала большую слабость, выпить после обеда хорошей домашней крепкой вишневки, а по вечерам поиграть в преферанс по копейке с уважаемыми знакомыми пожилыми дамами, которые хоть никогда и не показывали вида, что знают настоящее ремесло старушки, но на самом деле отлично его знали и не только не осуждали ее дела, но даже относились с уважением к тем громадным процентам, которые она зарабатывала на капитал. И этими милыми знакомыми, радостью и утешением безмятежной старости, были: одна – содержательница ссудной кассы, другая – хозяйка бойкой гостиницы около железной дороги, третья – владелица небольшого, но очень ходкого, хорошо известного между крупными ворами ювелирного магазина и так далее. (...) в их среде было не принято говорить об источниках семейного благополучия – ценились только ловкость, смелость, удача и приличные манеры» [1, с. 402-403].

Впрочем, к концу рассматриваемого периода «благородное» ремесло легально зарегистрировавшей свое заведение содержательницы – «Анны Марковны» и «Демберихи» – практически уходит в прошлое. Ввиду сильных аболиционистских настроений в обществе и закрытия под их влиянием большинства публичных домов, падения полицейского контроля над проституцией, на рынке сексуальных услуг в роли посредников все активнее выступают представители криминальных форм сексуального «менеджмента»: сводни, «коты». Роль других посредников – таких, как владелиц и владельцев «нехороших» квартир и комнат, неподнадзорных притонов и «домов свиданий», где массово проживали проститутки или куда они приводили клиентов – сводится к сознательному предоставлению помещений для «тайного разврата». Владелиц таких квартир, если их квартиросъемщицы и были уличены в занятии проституцией, наказывали чисто условно. Так, при обнаружении в январе 1917 г. полицией тайного притона в 4-й части города в Суконной слободе хозяйка этой «нехорошей квартиры» отделалась штрафом в 3 рубля (ровно столько стоила «разовая услуга» ее «постоялиц»), который, впрочем, был через несколько месяцев вообще отменен (см.: [НАРТ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 140. Л. 6-7, 9]). Не говоря уже о том, что во многом под влиянием указанных тенденций большинство проституток – и «девиц» со стажем и начинающих – предпочитали вообще обходиться без посредников, предпочитают «вольные хлеба», на свой страх и риск.

Summary

An article based on the non-published archive documents examined age, social, and national staff of the Kazan official brothels' mistresses in the second half of the XIX – beginning of the XX centuries. Special attention is given to the evaluation of this kind of the business undertakings by the mistresses themselves, as well as the other representatives of the city habitat.

Key words: prostitution, brothels, “bandershi”, mistresses.

Источники

- НАРТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 316. Л. 190об.
НАРТ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 456, 758, и др.
НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6915. Л. 2об.
НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6915. Л. 9-10.
НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6915. Л. 10.
НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6265. Л. 35-36.
НАРТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 170. Лл. 12-12об., 20-20об., 24-25, 28-33 об.; Д. 176. Л. 2-13об., 32, 39-39об., 43, 47-47об.
НАРТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 316. Л. 110-157. См. этот документ в Приложении.
НАРТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 316. Л. 110-157.
НАРТ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1233. Л. 1, 3-3об.
НАРТ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 70.
НАРТ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 70. Л. 4-4об, 6-6об., 11-14.
НАРТ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 70. Л. 17-17об.
НАРТ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 70. Л. 25-25об.
НАРТ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 70. Л. 6об.
НАРТ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 140. Л. 6-7, 9.

Литература

1. Куприн А.И. Яма // Куприн А.И. Собрание сочинений в 9 тт. Т. 6. – М.: Художественная лит-ра, 1972. – С. 150-434.
2. Судебная хроника. Убийство в притоне // Казанский телеграф. – 1909. – 23 января.
3. Камал Г. Уйнаш // Камал Г. Эсэрлэр. Эч томда. – Казан: Таткнигоиздат, 1978. – Т. 1. – Б. 95-126.
4. Бэкер К. Жанлы курчаклар. – Казан, 1912. – 39 б.
5. Соловьев Т.С. Биби-Казан. Оренбург, 1906. – 16 б.
6. Ильюхов А.А. Проституция в России с XVII века до 1917 года. – М.: Новый хронограф, 2008. – 560 с.
7. Адлер Л. Повседневная жизнь публичных домов во времена Мопассана и Золя. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 240 с.
8. Зюбан М.Н. Эволюция царской политики в отношении женской проституции. – URL: <http://izvestia.asu.ru> (дата обращения: 6.12.2010).
9. Проституция в Российской империи по обследованию 1 августа 1889 г. / Под ред. мл. ред. Центрального статистического комитета А. Дубровского (Статистика Российской империи. XIII). – СПб.: Изд-е ЦСК МВД, 1890. XXXIV, 85, 39 с.

Поступила в редакцию
21.12.12

Мальшева Светлана Юрьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры историографии, источниковедения и методов исторического исследования Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: Svetlana.Malycheva@ksu.ru